

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ТУРКЕСТАНЦА.

ВЪ ПОМѢЩЕННЫХЪ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ прошломъ 1895 году «Воспоминаніяхъ В. А. Полторацкаго» авторъ ихъ, между прочимъ, отводитъ немало страницъ описанію его службы въ Туркестанѣ, гдѣ онъ былъ участникомъ военныхъ событій 1870 года.

Какъ старый туркестанецъ, отбывшій въ войскахъ всю «Бухарскую кампанію» 1867, 1868 и 1870 годовъ, я съ понятнымъ интересомъ взялся за тѣ книжки «Историческаго Вѣстника», въ которыхъ описывались хорошо знакомыя мнѣ мѣста, близко извѣстныя личности, пережитыя событія того далекаго былого... Къ сожалѣнію, въ запискахъ г. Полторацкаго, на мой взглядъ, очень многое изложено невѣрно, неясно или спутанно, многія личности (теперь уже наполовину покойники) очерчены односторонне, кое-что преувеличено, — поэтому и общее впечатлѣніе отъ его «Воспоминаній» получается неправильное, могущее вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ по самымъ существеннымъ особенностямъ нашего Туркестана того времени.

Это побуждаетъ меня взяться за перо, чтобы разсказать ту же боевую исторію, но съ другой точки зрѣнія, освѣтить далекое прошлое простымъ взглядомъ простаго солдата, пережившаго это прошлое не ради блестящей карьеры, а по неизбѣжнымъ условіямъ общей тогдашней службы туркестанскихъ войскъ.

Въ своемъ разсказѣ я не хотѣлъ бы касаться покойнаго автора «Воспоминаній» уже по одному тому, что лично г. Полторацкаго я не зналъ вовсе и съ трудомъ силюсь теперь припомнить его наружность, боясь спутать съ кѣмъ нибудь другимъ изъ незнакомыхъ. Поэтому, если мнѣ и придется иногда говорить о немъ, то только по необходимости сопоставить изложенное имъ съ тѣмъ, что хорошо извѣстно мнѣ. Съ другой стороны я не стану во всей полнотѣ разсказывать весь походъ, а только коснусь тѣхъ эпизодовъ, которые возстановляютъ истинный характеръ тогдашнихъ событій¹⁾.

I.

Прежде всего я долженъ сдѣлать одну общую поправку, крайне важную. В. А. Полторацкій, дѣлая характеристику туркестанскихъ войскъ по поводу военныхъ дѣйствій подъ крѣпостью Китабомъ (1870 года), впалъ въ крупную ошибку: онъ говоритъ, что въ то время туркестанцы были вооружены «усовершенствованнымъ нынѣ скорострѣльнымъ оружіемъ» (стр. 422, книга II), а въ другомъ мѣстѣ (стр. 425) прямо говоритъ, что его стрѣлки были подъ Китабомъ съ «берданками». На основаніи этого онъ дѣлаетъ выводъ, что, не смотря на подавляющую численность непріятели, побѣды туркестанскихъ войскъ «дешево и легко доставались русскому оружію и вызвали у насъ непопулярную самоувѣренность и презрѣніе къ непріятелю».

Такой выводъ былъ бы правдоподобенъ, если бы въ самомъ дѣлѣ тогда туркестанскія войска были вооружены скорострѣльнымъ и дальнобойнымъ оружіемъ, если бы артиллерія, которой подъ Китабомъ командовалъ Михайловскій, имѣла орудія, заряжающіяся съ казенной части, а стрѣлки, которыхъ водилъ на штурмъ самъ маіоръ Полторацкій, имѣли бы въ рукахъ берданки! Все это было, но было не въ Туркестанѣ, а въ Петербургѣ, въ гвардіи, — въ боевомъ же Туркестанѣ объ этой роскоши тогда и не мечтали...

Въ тѣ времена въ туркестанской глуши мы воевали попросту. Не говоря уже о началѣ 60-хъ годовъ, но даже въ обновленный кауфманскій періодъ вооруженіе войскъ было весьма немудрое. Всю Бухарскую кампанію 1868 года съ отрядами ходили еще тѣ блаженной памяти свѣтлыя бронзовыя гладкоствольныя тяжелыя пушки, на свѣтло-зеленыхъ деревянныхъ неуклюжихъ лафетахъ, которыя назывались тогда «батареюной батареей», которыя стрѣляли круглымъ сплошнымъ ядромъ, бросавшимся при наибольшемъ

¹⁾ Дѣло подъ Китабомъ описано мною въ очеркахъ, помѣщавшихся въ «Военномъ Сборникѣ» 70-хъ годовъ, подъ названіемъ «Туркестанское жигье», въ главѣ «Штурмъ». Въ отдельномъ изданіи они вышли подъ заглавіемъ «Солдатское жигье — очерки изъ туркестанской жизни», 1875 года.

углѣ возвышенія не далѣе $1\frac{3}{4}$ версты, стрѣляли при помощи запальной трубки съ чашечкой, воспламеняемой пеньковымъ «пальникомъ» (фитилемъ).

Въ дѣлѣ подѣ Кара-тюбе (1868 года) наши двѣ сотни казаковъ съ смѣлымъ кавказцемъ, полковникомъ Пистолькорсомъ, заѣхали далеко впередъ, и на нихъ наѣла многотысячная шахрисябская конница. На выручку генераль Абрамовъ послалъ первую подопедшую роту, которая въ каре вмѣстѣ съ казаками повела трудное, медленное отступленіе по открытому полю. Абрамовъ съ бутра видѣлъ, какъ ничтожно каре (250 человекъ всѣхъ), и какъ смѣло ведетъ наступленіе непріятель, но весь нашъ отрядъ былъ еще версты за двѣ сзади, и около Абрамова находилась только полурота въ прикрытіи батарейной батареи.

— Что, достанетъ?—лаконически спросилъ онъ командира.

— Около тысячи сажень едва ли,—отвѣтилъ тотъ:—впрочемъ попробуемъ...

Грянула батарейная. Ядро упало, далеко не долетѣвши до нашего каре.

— Если прикажете, я дамъ наибольшій,—напрашивался командиръ.

— Да, да,—нервно отвѣтилъ генераль, очень беспокоившійся за отступавшихъ.

Еще выше задрала горло пушка и снова грянула. Ядро и теперь не дошло и лишь съ рикошета легло близъ каре сзади.

Абрамовъ обругался.

— Такъ вы своихъ перебьете: перестаньте стрѣлять изъ этихъ дурацкихъ пушекъ!..

Онъ послалъ въ отрядъ, чтобы торопить войска на выручку. Выручка (двѣ роты 5-го баталіона) подоспѣла, когда у отступавшихъ уже не хватало патроновъ для отстрѣливанія.

Вотъ каковы были батарейныя...

Во время знаменитой восьмидневной защиты самаркандской цитадели (іюнь, 1868 года) у насъ на всю крѣпость были только двѣ такія свѣтлыя пушки: одна стояла въ однихъ воротахъ, другая въ другихъ. Въ нихъ заключалась артиллерійская оборона крѣпости, если не считать 2-хъ мортиръ, изъ которыхъ больше для грома стрѣляли время отъ времени въ городъ на удачу. На барбетахъ установили четыре бухарскихъ пушки, взятые нами 1-го мая. Одну изъ нихъ я помню отлично: это была широкогорлая гаубица, стоявшая на барбетѣ правѣ Бухарскихъ воротъ. Къ ней не было ядеръ по калибру, а были поменьше, поэтому ее заряжали съ хитростью: насыплютъ побольше пороху, прибьютъ покрѣпче самодѣльнымъ пыжомъ, обернуть ядро въ тряпку, загонять да и палить. Стрѣляли безъ прицѣла — просто въ городъ, куда нибудь да попадетъ... Нестроевымъ и артиллеристамъ, ставшимъ въ ряды за-

щитниковъ, выдали ружья, какія нашлись въ запасѣ: это были севастопольскія семилнейныя ружья.

Такимъ-то «усовершенствованнымъ оружіемъ» мы владѣли.

Лучшими орудіями того времени были «нарѣзные», заряжающіяся съ дула особыми снарядами, имѣвшими выступы для хода по нарѣзамъ. Самыми же удобными для туркестанской войны, по ихъ подвижности, считались облегченныя орудія конной казачьей батареи, но въ дѣйствующемъ отрядѣ 1868 г. такихъ пушекъ былъ только одинъ дивизионъ, которымъ тогда и командовалъ удалой Топорнинъ.

Пѣхота и кавалерія была вооружена шести-линейной пистонной винтовкой¹⁾, которая заряжалась постаринному «скуси патронъ»; изъ бумажной гильзы, у которой зубами отрывали завернутый хвостъ, порохъ осторожно высыпался въ стволъ; потомъ пуля съ чашечкой аккуратно вставлялась въ дуло; вынимался шомполь (на немъ была ужасно неудобная деревянная втулка, чтобы не портить стволъ при заряданіи), и имъ пуля загонялась до отказа; шомполь втыкался на мѣсто; затѣмъ вынимался изъ особой сумочки большой пистонъ съ растопыренными краями и надѣвался на капсюль. Только тогда ружье было готово.

Заряжать было долго, хлопотно, неудобно, на ходу въ особенности, въ цѣпи лежа еще хуже, такъ какъ требовалось поднимать дуло кверху, иначе порохъ не могъ спуститься въ казенникъ. Послѣ нѣсколькихъ слѣшныхъ выстрѣловъ сплошь и рядомъ отрывался вѣнчикъ отъ пули и оставался въ стволѣ; слѣдующая пуля уже доходила только до половины ствола, упираясь въ застрявшій вѣнчикъ, и всего чаще тоже срывалась, такъ что ружье для стрѣльбы уже не годилось. Нужно было или насильно заколачивать шомполомъ вѣнчики внизъ, или искать другое ружье у раненаго, или просто ждать молча случая... За 20-мъ выстрѣломъ нагаръ дѣлался такъ великъ, что пуля не лѣзла, и требовалось протирать стволъ—это было еще хлопотливѣе... Дальность боя винтовокъ для линейныхъ ротъ была 800 шаговъ и только для стрѣлковыхъ 1.200: выше и прицѣловъ не было! Хорошій выстрѣлъ возможенъ былъ на 500—600 шаговъ. Вотъ какое «усовершенствованное скорострѣльное» оружіе было въ рукахъ туркестанцевъ. А подъ Китабомъ, о которомъ рассказываетъ г-нъ Полторацкій, берданка была одна: ее привезъ изъ Петербурга, какъ диво, для себя лично Н. Н. Раевскій и взялъ съ собою на войну. Изъ нея нѣсколько выстрѣловъ сдѣлалъ Козловскій, сидя съ полувзводомъ въ передовой цѣпи и удивляя стрѣлковъ быстротою заряданія новой винтовки.

Подъ тѣмъ же Китабомъ для лѣвой колонны Соковнина пре-

¹⁾ Эта самая винтовка была передѣлана въ скорострѣлку «крынку» для арміи, но туркестанцы крынки не знали.

имуществомъ передъ непріятелемъ въ дальнѣйности ружей для пѣхоты не было, такъ какъ наша батарея была заложена всего въ 78 саженьяхъ отъ крѣпости, и стрѣльба велась на разстояніи отъ 200 до 300 шаговъ,—вполнѣ добрый выстрѣлъ изъ непріятельскихъ ружей.

Но чтобы оцѣнить значеніе нашей борьбы въ Средней Азіи, характеръ нашихъ войскъ и взгляды туркестанскихъ военачальниковъ, нужно пристально взглянуть не только въ наше тогдашнее вооруженіе, а вполнѣ безпристрастно вдуматься и во всѣ другія подробности положенія войскъ на далекой окраинѣ. Туркестанскія войска положили великія усилія на то, чтобы при ничтожномъ числѣ и средствахъ не только идти впередъ и побѣждать, но и охранять на громадномъ пространствѣ завоеванное, почти не имѣя сзади себя никакой опоры. Самоувѣренность выработалась въ туркестанцахъ не потому, что побѣды были «легки и дешевы», а потому прежде всего, что, только вѣря въ свою несокрушимость, эти войска, заброшенныя вглубь Азіи, могли не погибнуть и побѣдить. Если въ исторіи туркестанскихъ войнъ были и «дешевыя» побѣды, то гдѣ же, въ какихъ другихъ войнахъ ихъ не было? Но рядомъ съ дешевыми были и такія дѣла, которыя достойно очерчены талантливой кистью В. В. Верещагина ¹⁾. О нѣкоторыхъ изъ нихъ невольно упомянулъ и самъ г-нъ Полторацкій, какъ, напримѣръ, о дѣлѣ подъ Иканомъ въ 1864 г. («точь въ точь какъ кавказское дѣло», говоритъ онъ). Въ этомъ дѣлѣ одна сотня казаковъ съ однимъ единорогомъ и 32 снарядами, билась три дня въ открытомъ полѣ, окруженная нѣсколькими тысячами кокандцевъ при трехъ орудіяхъ. Сотня оставила на мѣстѣ 57 убитыхъ, пробилась черезъ непріятеля и въ числѣ 42-хъ раненыхъ присоединилась къ высланному на выручку отряду! Развѣ это похоже на преимущество скорострѣльнаго оружія или на дешевыя побѣды? А оборона Самарканда въ іюнѣ 1868 г., въ которомъ на трехверстную цитадель имѣлось менѣе 800 защитниковъ—и въ числѣ ихъ почти половина «слабыхъ» изъ госпиталя. Эти люди отбивались за дырвыми стѣнами отъ многихъ десятковъ тысячъ въ теченіе восьми дней ²⁾, отбивались камнями, бревнами, бухарскими ручными гранатами ³⁾...

Но и кромѣ этихъ прославленныхъ битвъ, безпристрастный изслѣ-

¹⁾ Напомню лучшія изъ его картинъ: «Окружили, преслѣдуютъ», «Пусть войдутъ», «Вошли», «Побѣдители», «Забытый», «Парламентеры».

Кстати о самоувѣренности: г-нъ Полторацкій говоритъ, что при слѣдованіи ихъ въ Шахрисабскую долину генералъ со свитою часто выѣзжалъ далеко впередъ, и онъ, сравнивая съ Кавказомъ, удивлялся этому риску, такъ какъ ихъ легко могли отрѣзать. Сколько мнѣ извѣстно, впереди каждаго изъ нашихъ отрядовъ, шедшихъ къ Китабу, были посланы далеко впередъ партіи нашихъ джигитовъ, которыя разсылали отъ себя боковые пикеты и такимъ образомъ несли передовую развѣдочную службу при отрядахъ.

²⁾ Г-нъ Полторацкій ошибочно считаетъ 11 дней осады и 8 штурмовъ.

³⁾ Разказы В. В. Верещагина.

дователь историческихъ матеріаловъ Туркестана отмѣтитъ немало и другихъ боевыхъ дѣлъ. Первый неудавшійся штурмъ Ташкента осенью 1864 г., взятіе Ташкента въ 1865 г., штурмъ Ходжента въ 1866 г. и Ура-тубе (двѣ штурмовыя колонны, каждая въ 250 человекъ, потеряли: одна 77, другая 74 человекъ, т. е. болѣе 30%), взятіе Джизака (велись немалыя саперныя осадныя работы), Зарыбулакское дѣло 1868 г. (въ которомъ Топорнину довелось со своимъ коннымъ дивизиономъ выскакать чуть ли не на 50 сажень къ регулярной бухарской пѣхотѣ и стрѣлять картечью, чтобы остановить ея атаку)¹⁾, и наконецъ самый штурмъ Китаба,—все это дѣла, которыя достались нашимъ войскамъ съ большими жертвами и требовали отъ нихъ рѣшимости не на дешевую побѣду, а на борьбу на жизнь и смерть.

Система войны въ Туркестанѣ была, конечно, во многомъ иная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но безъ нея мы никогда бы не были властителями Средней Азіи. И что при этой системѣ выработалась въ туркестанскихъ войскахъ крѣпкая дисциплина, лучше всего доказалъ такой образцовый походъ, какъ походъ Хивинскій въ 1873 г. А сколько выставилъ Туркестанъ опытныхъ, толковыхъ боевыхъ офицеровъ до Скобелева включительно? Однѣ «дешевыя и легкія побѣды», конечно, не дали бы такого военнаго воспитанія людямъ, которые и за Дунаемъ, и въ Ахаль-Теке одинаково показали себя людьми серьезно боевыми...

II.

Не буду много говорить здѣсь о почтеннѣйшемъ Александрѣ Константиновичѣ Абрамовѣ—это увело бы меня слишкомъ далеко изъ рамокъ настоящей статьи. Съ другой стороны личность эта настолько недюжинная сама по себѣ и игравшая въ исторіи завоеванія, изученія и реорганизации Туркестана настолько серьезную и видную роль, что очертить ее нѣсколькими словами, какъ это дѣлаетъ г. Полторацкій, тоже нельзя.

Въ видѣ поправки укажу, что въ 1865 году Абрамовъ былъ не поручикъ, а штабсъ-капитанъ. Въ генералы онъ произведенъ за взятіе Самарканда въ 1868 году по манифесту, а утвержденъ въ генеральскихъ правахъ гораздо позже, чуть ли не въ 1870 году за Искандеркульскую экспедицію.

Абрамовъ дѣйствительно былъ необыкновенно счастливъ по службѣ, но это главнѣйше зависѣло отъ его недюжинныхъ способностей и той необыкновенной энергіи, которая отличала его отъ другихъ. Абрамовъ былъ способенъ очень много работать, часто

¹⁾ Картинное описаніе этого дѣла давно опубликовано Н. Н. Каразинымъ въ его первыхъ очеркахъ Туркестана,

ночи напролетъ, и работать безъ заминокъ, писать безъ черняковъ, рѣшительно, умно, изящно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и службы, касалось ли то гражданскихъ мѣропріятій, военныхъ ли соображеній. Обладая яснымъ умомъ и рѣдкою памятью, Абрамовъ былъ еще и смѣлымъ боевымъ офицеромъ, прекрасно изучившимъ свойства и нашихъ войскъ, и туземныхъ полчищъ. Лично храбрый, всегда въ центрѣ боя, на виду у всѣхъ, онъ однимъ своимъ присутствіемъ вдохновлялъ и офицеровъ, и солдатъ, умѣлъ рисковать въ рѣшительную минуту, вѣря въ свой военный талантъ и счастье. Прибавимъ къ этому, что личные качества Александра Константиновича въ сношеніи со всѣми его окружающими искреннѣйше располагали къ нему всѣхъ—и начальство, и товарищей, и подчиненныхъ. Привѣтливый, добрый, простой, внимательный къ чужому мнѣнію, щедрый, лучший хлѣбосоль, истинный товарищъ, беззребенникъ, не цѣнившій своихъ денегъ и ссужавшій ими всѣхъ обращавшихся къ нему, врагъ скуки и натянутости—вотъ его положительные качества въ повседневной жизни. Передъ ними всегда естественно ступевывались отрицательныя, тѣмъ болѣе, что въ общемъ личность Абрамова прежде всего подкупала полнѣйшей искренностію.

Судя по достовѣрнымъ рассказамъ, каждый изъ бывшихъ начальниковъ Абрамова чувствовалъ, что этотъ человѣкъ не только нуженъ ему, какъ лучше всѣхъ знающій современное положеніе наше въ Средней Азіи, и что на него можно твердо положиться,—но и былъ обязанъ ему въ той или другой степени военными успѣхами, какойнибудь побѣдой въ сомнительномъ сраженіи¹⁾. Естественно, что во всѣхъ реляціяхъ Абрамовъ аттестовался съ лучшей стороны, и, давая награды другимъ, нельзя было обойти Абрамова. Украшенный массой орденовъ, и въ томъ числѣ золотою саблею и Гергіемъ 4-й ст., онъ не оставлялъ возможности другихъ наградъ иначе, какъ производство въ чины. При этомъ онъ счастливейшимъ образомъ былъ произведенъ по линіи, между награ-

¹⁾ Такъ, по словамъ участниковъ, подъ Ирджаромъ генераль Романовскій былъ совершенно смущенъ громадой непріятельскихъ войскъ, обложившихъ нашъ небольшой отрядъ, и героемъ дня считалъ Абрамова, разыгравшаго дѣло съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и мастерствомъ, заставивъ непріятеля перестраивать линіи расположенія подъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Совершенно въ такомъ же положеніи былъ Абрамовъ 1-го мая 1868 года передъ Самаркандскими высотами. Когда Кауфманъ, двинувъ войска на штурмъ и увидя эти ничтожныя кучки людей толпущими среди рисовыхъ полей, заколебался и приказалъ трубѣть «отбой» Абрамовъ кинулся къ нему.

— Что вы дѣлаете, ваше превосходительство: вы погубите все дѣло!—встревожился онъ.

— Я не хочу губить весь отрядъ,—отвѣтилъ Кауфманъ, выразительно подчеркивая слова:—необходимо выждать и не бросаться съ такой стремительностію.

— Я ручаюсь вамъ своей головой, что мы побѣдимъ!—воскликнулъ Абрамовъ. — Ради Бога, не останавливайте только...

Эта увѣренность поборола сомнѣнія Кауфмана, и черезъ нѣсколько часовъ на его глазахъ наши войска, перейдя рисовыя болота, заняли Самаркандскія высоты.

дами, кажется, даже два раза. Какъ бы то ни было «баснословная карьера его» (по выраженію г. Полторацкаго) обязана исключительно самому Абрамову, его личнымъ качествамъ, его рѣдкой энергіи,—и никому больше: у него не было ни протекціи, ни связей, ни вліятельной родни, ни дружбы съ высокими особами. Онъ служилъ при постоянно смѣнявшихся начальникахъ: Колпаковскій, Циммерманъ, Черняевъ, Мантейфель, Романовскій, Дандевиль, Головачевъ, Кауфманъ—это въ теченіе 4—5 лѣтъ. И всѣ его расхваливаютъ и представляютъ къ наградамъ. Такихъ людей и въ благоприятной обстановкѣ Туркестана не много наберется.

Еще объ Абрамовѣ. Г. Полторацкій записалъ въ свой дневникъ, будто бы Абрамовъ «при взрывѣ нашего пороховаго погреба взлетѣлъ на воздухъ и при обратномъ паденіи сильно ударился головой о землю» (413). Этого я ни отъ кого не слыжалъ раньше, а всѣ говорили, что при взрывѣ погреба онъ былъ контуженъ въ голову пролетѣвшимъ осколкомъ, что и отозвалось на немъ на всю жизнь частыми иногда невыносимыми головными болями ¹⁾.

III.

Перехожу къ штурму Китаба.

Прежде всего объ одной маленькой военной формальности. Г. Полторацкій приводитъ будто бы подлинный приказъ Абрамова, подписанный генераломъ и его начальникомъ штаба Троцкимъ. Въ приказѣ говорится:

«Начальниками этой (правой) колонны назначаются полковникъ Михайловскій и маіоръ Полторацкій. Начальникомъ лѣвой батареи назначается полковникъ Соковнинъ и помощникомъ его подполковникъ Раевскій» (ст. 423). Эта кажущаяся несообразность о назначеніи для одной колонны двухъ начальниковъ (полковника артиллеріи и маіора) легко разъясняется справкою въ официальномъ донесеніи Абрамова: «Предположивъ штурмовать съ двухъ сторонъ, я назначилъ для этого двѣ колонны—правую, подъ начальствомъ полковника Михайловскаго ... лѣвую—подъ начальствомъ полковника Соковнина... Въ колоннѣ полковника Михайловскаго помощникомъ ему назначенъ маіоръ Полторацкій; въ колоннѣ полковника Соковнина—помощникомъ ему подполковникъ

¹⁾ Безъ сомнѣнія, къ области такихъ же свѣдѣній нужно отнести и нѣкоторые другіе рассказы г. Полторацкаго, какъ, напримѣръ, то, что ему Абрамовъ предлагалъ будто бы на выборъ два мѣста: начальника Самаркандскаго отдѣла (уѣзда) въ 9,000 рублей личнаго содержанія, или Каттакурганскаго въ 10,000 рублей. Такихъ окладовъ не было: начальники отдѣловъ получали личнаго содержанія не болѣе 2½ тыс. рублей, и даже со всѣми постоянными суммами на канцелярію и содержаніе множества джигитовъ едва ли имѣли отпускалось болѣе 6,000 рублей.

Раевскій»¹⁾, Ясно, что авторъ «Воспоминаній» просто не замѣтилъ этой своей ошибки.

О событіяхъ 13-го августа въ лѣвой колоннѣ г. Полторацкій пишетъ: «Совершенно ясно видѣли мы (съ бугра), какъ роты, одна за другою, бѣжали къ стѣнѣ, видѣли даже, какъ тащили лѣстницы, видѣли бѣгущихъ и падающихъ» и т. д. (425).

Въ «подробностяхъ» отбитый штурмъ изложенъ у него такъ. Когда Абрамовъ пріѣхалъ на лѣвую батарею и осматривалъ крѣпость съ банкета, капитанъ Гребенкинъ вскочилъ на туръ, сообщилъ генералу, что видитъ тропинку, по которой легко подняться на стѣну, и затѣмъ съ разрѣшенія генерала схватилъ ближайшихъ людей и бросился къ стѣнѣ. Залпъ непріятеля вырвалъ у него изъ рядовъ прапорщика Козловскаго и 20 солдатъ, а добѣжавъ до стѣны и вскочивъ въ глубокой ровъ, Гребенкинъ не нашель хода ни взадъ ни впередъ и попалъ подъ камень. Увидя безвыходность штурмующей части, генераль сталъ распоряжаться о поддержкѣ ея, былъ раненъ и, пока ему дѣлали перевязку, въ суматохѣ одна за другой пошли на выручку своихъ три роты 9-го баталіона, но, въ нѣсколько минутъ потерявъ ранеными баталіоннаго и двухъ ротныхъ командировъ, въ безпорядкѣ ринулись назадъ къ батареѣ. Напрасно Раевскій пытался краснорѣчіемъ увлечь солдатъ за собою впередъ... За бѣгущими назадъ солдатами по пятамъ бросился непріятель, но два удачныхъ выстрѣла картечью изъ нашихъ орудій охладили пылъ враговъ.

Насчетъ лѣстницъ невѣрно. Мы не только не тащили ихъ къ стѣнѣ, но даже въ нашей лѣвой колоннѣ и не было ни одной лѣстницы.

Что касается подробностей дѣла 13-го августа, то для меня онѣ вспоминаются въ нижеслѣдующемъ порядкѣ.

Генераль пріѣхалъ на лѣвую батарею не затѣмъ, чтобы штурмовать крѣпость, а чтобы предварительно рѣшенія осмотрѣть лично днемъ позицію. До него огонь съ крѣпости былъ не сильный, и впереди батареи по сю сторону большого оврага въ цѣпи находился одинъ полувзводъ стрѣлковъ съ субалтернъ-офицеромъ и съ прапорщикомъ Козловскимъ, всѣ же три роты 9-го баталіона лежали въ траншеѣ и поддерживали рѣдкую стрѣльбу. Пріѣздъ генерала былъ торжественный. Сопровождаемый большой свитой и полусотней казаковъ съ его георгіевскимъ значкомъ, Абрамовъ сперва проѣхалъ въ отдаленіи параллельно нашимъ траншеямъ, а затѣмъ сразу повернулъ къ ихъ лѣвому флангу, гдѣ былъ небольшой садъ, по-

¹⁾ См. сборникъ «Русскій Туркестанъ», т. III, 1872 г. Прибавленія. Кстаті о справкахъ въ донесеніи Абрамова. Откуда г. Полторацкій взялъ послѣ Китаба городъ Фодобей? У Абрамова упоминается два имени: укрѣпленіе Даякъ и городъ Фаралъ. Трудно даже изъ обохъ вмѣстѣ сдѣлать Фодобей. Подозрѣваю однако, что Фодобей относится ко второму, именно неразборчиво написанному названію Фараба.

служившій нѣкоторымъ прикрытіемъ для лошадей и конвоя. Неприятель еще издали замѣтилъ отлично знакомый Абрамовскій значекъ, сталъ стягивать войска противъ лѣвой батареи и открылъ по генералу спѣшную и безвредную стрѣльбу изъ пушекъ и фальконетовъ (крѣпостныхъ ружей).

Оставивъ въ саду лошадей, Абрамовъ направился пѣшкомъ къ батарее вѣдоль всѣхъ траншей, въ которыхъ укрывались роты 9-го баталіона. Генералъ шелъ надъ траншеей вѣдоль ея внутренней стороны, т. е. такъ, что траншеи находились между нимъ и крѣпостью. Онъ шелъ рядомъ съ встрѣтившимъ его Соковнинымъ быстрой, твердой, чисто военной походкой, но съ неизмѣнно заложенною рукою за спину, шелъ весь открытый огню крѣпости. За нимъ шла многочисленная свита: Троцкій, Гребенкинъ, баронъ Рене, Меллеръ-Закомельскій, Соболевъ и др.

— Встать! Смирно... На плечо!—раздалась команда по траншеѣ, и люди вытянулись по формѣ, спиной къ стрѣляющей крѣпости, точно загоразживая собою отъ пуль путь для генерала.

Абрамовъ на ходу здоровался съ ротами, тѣ гремѣли въ отвѣтъ бравое «здравія желаемъ». Вся эта картина дышала особой, чисто военной жизнью: появленіе боеваго генерала передъ войсками, взаимныя привѣтствія подъ сильнымъ огнемъ отлично настраивали траншеи, вселяли во всѣхъ бодрость и увѣренность въ свои силы.

IV.

И въ то же самое время отъ конвойной роты, по пути, которымъ только что пріѣхалъ Абрамовъ, во весь духъ неслись, низко пригнувшись, два всадника, удалившіеся отъ батареи къ резервному лагерю. Одинъ изъ нихъ былъ штатскій на великолѣпномъ пѣгомъ иноходцѣ, другой военный.

Штатскій былъ природный итальянецъ, нѣкто Адамоли, прибывшій въ Туркестанъ въ качествѣ агента отъ итальянскихъ шелководовъ для скупки и вывоза среднеазиатской грены шелковичнаго червя, которою желали освѣжить итальянскія шелководни, сильно страдавшія отъ разныхъ болѣзней. Адамоли былъ очень симпатичный и красивый мужчина, рассказывавшій про себя, что онъ состоялъ въ боевыхъ баталіонахъ Гарибальди, и желавшій лично видѣть и оцѣнить среднеазиатскую войну, для чего и получилъ разрѣшеніе отъ Абрамова быть волонтеромъ при его отрядѣ. Съ неподдѣльнымъ добродушіемъ Адамоли рассказывалъ потомъ, какъ неприятно подѣйствовала на него встрѣчная канонада, и какъ, подѣхавъ къ ротѣ, онъ рѣшилъ никоимъ образомъ не разставаться съ конемъ и не продолжать военной экспертизы, навѣянной далекими воспоминаніями юношеской боевой жизни.

— Я никакъ не думалъ, что здѣшнія битвы могутъ быть такъ серьезно опасны, — заканчивалъ онъ свой наивнѣйшій рассказъ о томъ, съ какимъ увлеченіемъ легълъ на своемъ рѣзвомъ иноходцѣ, уходя подальше отъ сферы пальныхъ выстрѣловъ...

Но, видно, на роду было ему написано погибнуть въ Туркестанѣ, несмотря на такое горячее самосохраненіе. Покидая край, Адамоли на пути съ своимъ дорогимъ караваномъ былъ убитъ киргизской разбойничьей шайкой.

Что сказать о печальномъ товарищѣ Адамоли? Это была личность, случайно назначенная въ отрядъ и откровенно сознавшаяся, что атмосфера войны не для нея создана. Съ наслажденіемъ кающагося грѣшника онъ копался въ своей душѣ, излагая картину тупого ужаса, охватившаго его при мысли, что онъ долженъ сейчасъ, сію минуту идти за генераломъ навстрѣчу всѣмъ смертямъ, всѣмъ пулямъ и ядрамъ... А когда онъ замаялся, спѣшившись среди лошадей и оставшись далеко назади генеральской свиты, то увидѣлъ Адамоли, поворачивающаго иноходца кругомъ.

— Вы куда? — спросилъ онъ его пофранцузски, довольный, что можетъ удобно маскировать смыслъ разговора отъ конвойныхъ казакъ.

— Конечно, назадъ, въ лагерь, подальше отъ этихъ проклятыхъ выстрѣловъ и чорта-дьявола! — привычно разсыпался итальянецъ сильными выраженіями. — Я не имѣю ни малѣйшаго желанія умирать въ этой отвратительной странѣ дикарей, — да поглотить ее самъ сатана!.. Здѣсь убьютъ, какъ собаку, да еще голову отрѣжутъ, святыя угодники!! Прощайте...

— Погодите, и я съ вами поѣду, — вдругъ рѣшилъ тотъ и вскочилъ на лошадь.

Кони рванулись и, опережая другъ друга, понесли вмѣстѣ съ ругающимся поитальянски и никому ненужнымъ волонтеромъ и несчастнаго русскаго, ринувшагося передъ лицомъ этой войны въ страшный открытый бой со всѣми принципами своей военной службы...

Вѣроятно, г. Полторацкій имѣлъ въ виду этотъ эпизодъ, дѣлая намеки въ описаніи обѣда у Абрамова послѣ штурма Китаба.

V.

Продолжаю рассказъ о лѣвой колоннѣ. Мѣстность была такая. Передъ крѣпостью съ глинобитной зубчатой типичной азіатской стѣной шель глубокій (саж. до 2-хъ) ровъ, затѣмъ не широкій гласисъ (саж. 50), съ старымъ на немъ кладбищемъ. Потомъ большой оврагъ съ кустами и по сю сторону оврага ровная мѣстность съ виноградникомъ и рѣдкими яблонями. Среди этихъ-то виноградниковъ, на краю оврага, и была поставлена въ 78 саж. отъ крѣпости батарея Соковнина. Нѣсколько сади ея и влѣво тянулся сухой арыкъ (ка-

нава) съ обрушенной вдоль него глиняной стѣною, который и послужилъ для насъ траншей. Вправо отъ батареи виноградники скоро кончались, и мѣстность сразу отвѣсомъ (саж. въ 2) обрывалась внизъ: тамъ, перпендикулярно къ крѣпостной стѣнѣ, шло широкое галечное русло съ извивающей по немъ узенькой рѣчущкой. Низина эта упиралась въ самую стѣну, вдоль которой рва уже не было. Въ эту же рѣчную галечную низину выходилъ правымъ концомъ и оврагъ, за которымъ надъ нею слѣдовало кладбище, тоже обрывавшееся туда отвѣсно.

Итакъ: батарея, влѣво отъ нея траншея, вправо внизъ русло; прямо впередъ полоса виноградника, оврагъ, кладбище, ровъ, стѣна; впередъ правѣе—выходъ изъ оврага на русло и открытый ходъ до стѣны.

Съ прїѣздомъ генерала крѣпость усилила стрѣльбу и стала бить батарейную прислугу. Абрамовъ приказалъ Соковнину выслать двѣ роты впередъ, чтобы занять опушку по ту сторону оврага и открыть ружейный огонь по крѣпости. Это было въ высшей степени цѣлесообразно: стрѣлки, прекрасно прикрытые оврагомъ и находясь саж. въ 40—50 отъ крѣпости, должны были сразу мѣткимъ огнемъ осадить крѣпостную стрѣльбу.

Ротныхъ вызвали на батарею за приказаніемъ. Командиръ стрѣлковой роты былъ, во-первыхъ, не вояка (съ добрымъ запасомъ еврейской крови, всю жизнь служившій по канцеляріямъ), а, во-вторыхъ, принялъ роту недавно, по протекціи, для полученія штабъ-офицерскаго чина и людей не зналъ. На батарею ему пришлось пробѣжать подъ рѣзвымъ огнемъ крѣпости, и онъ, взволнованный, не могъ толкомъ понять приказаніе Соковнина. Назадъ до траншеи опять подъ огнемъ бѣжалъ онъ самъ не свой и блѣдный, прерывающимся голосомъ могъ только выговорить: мы... идемъ!..

Соображенія простыхъ людей были очень просты: прїѣхалъ генералъ, стрѣлки всегда впереди, приказано идти—очевидно, на штурмъ...

А съ батареи несется голосъ Соковнина:

— Почему не выходятъ стрѣлки? стрѣлки, выходи!..

Рота поднялась изъ траншеи и двинулась къ оврагу; вслѣдъ за нею, слѣва, двинулась 1-я рота. Крѣпость, видя движеніе къ ней солдатъ, такъ вся и вспыхнула. Пули посыпались дождемъ. Непріятельскія батареи помогали съ трехъ сторонъ ядрами и картечью. Солдаты сперва прибавили шагу, потомъ побѣжали по спуску въ оврагъ. Испуганный бѣдняга ротный бросился бѣжать съ ними, но запутался въ виноградникѣ, упалъ и остался сзади. Когда бѣгущіе передъ самымъ спускомъ въ оврагъ достигли цѣпного полувзвода, сидѣвшіе люди съ Козловскимъ вскочили и крикнули ура... все ринулось впередъ, все зажглось, закричало—сперва стрѣлки, потомъ 1-я рота. Люди спустились въ оврагъ и не останавливаясь враз-

сыпную бѣжали на штурмъ дальше. Впереди всѣхъ долговязый Козловскій. Крѣпость стояла передъ всѣми близехонько въ ста шагахъ...

Что люди бѣжали съ убѣжденіемъ дѣйствительно штурмовать крѣпость, въ этомъ нельзя сомнѣваться ни минуты. Помню отлично, что, перебѣжавъ оврагъ и поднявшись до выхода на гласисъ, я остановился и вскинулъ винтовку, чтобы сдѣлать выстрѣлъ по гребню крѣпости. Вдругъ слышу сзади тяжелый бѣгъ и сердитый крикъ:

— Чего стрѣляешь, коли на штурмъ пошли!

Это было сказано такимъ рѣшительнымъ тономъ, что я безпрекословно отставилъ выстрѣлъ и, спустивъ мягко курокъ, вмѣстѣ съ здоровеннымъ и рѣшительнымъ совѣтчикомъ бросился дальше, добѣжалъ въ числѣ человѣкъ шести до самаго рва, передъ которымъ мы и распластались на землѣ въ ожиданіи, что будетъ дальше. Мы попали въ такъ называемое «мертвое пространство», и всѣ пули уже летѣли намъ черезъ головы, направляясь въ людей, бывшихъ дальше отъ стѣны ¹⁾. Сбереженные выстрѣлы чрезвычайно пригодились намъ вскорѣ.

Наша отдѣльная кучка забрала нѣсколько лѣвѣе тѣхъ, которые бѣжали за Козловскимъ прямо на кладбище, и вотъ почему: прямо подъемъ изъ оврага былъ круче, и, солдаты, выбираясь изъ него къ кладбищу, невольно скопились тутъ толпами, а полѣвѣе подъемъ былъ положе и просторнѣе, поэтому, чтобы не толочься, мы и бросились влѣво.

Когда на батарее поняли, что мы объявили штурмъ, генералъ крикнулъ Соковнину:

— Что они дѣлаютъ—остановите ихъ!

Соковнинъ бросился съ батареей и въ оврагъ, но какъ онъ ихъ остановить?! Передовые люди уже выходятъ изъ оврага на гласисъ крѣпости, подъ страшный огонь: назадъ теперь уже хуже, чѣмъ впередъ,—надо идти за судьбою и штурмовать, если такъ случилось. Онъ шелъ и изрѣдка помахивалъ платкомъ, а когда къ нему подбѣжалъ субалтернъ съ остальными людьми полувзвода и спросилъ: «куда бѣжать, полковникъ?»—онъ отвѣтилъ: «а вонъ, куда и всѣ бѣгутъ!»

И Соковнинъ сталъ подниматься самъ изъ оврага по крутой тропкѣ прямо на кладбище...

Присутствующіе на батарее, знающіе приказаніе генерала «остановить», стали кричать въ догонку бѣгущимъ: «стой! назадъ, назадъ!» Этотъ крикъ приняли внизу въ оврагѣ тѣ изъ отставшихъ, чувства которыхъ сходились съ чувствами бывшего среди нихъ ротнаго. И вдоль широкой полосы бѣгущихъ къ крѣпости, среди страш-

¹⁾ Этотъ странный фортификаціонный терминъ относится къ мѣсту около самого укрѣпленія, куда ружейный огонь съ бруствера не можетъ попадать, и гдѣ люди наиболѣе обезпечены отъ смерти. Происхожденіе этого противоестественнаго слова объясняется тѣмъ, что мертвое пространство не оживлено огнемъ.

ной оглушительной пальбы, неслись спутанные крики: впереди — «ура», сзади — «стой, назад».

А въ то же время на гласисѣ среди могильныхъ холмиковъ, около единственной земляной избушки-склепа («мулдушки», по русскому прозванью) роковая пуля ударила Козловскаго въ животъ. Онъ палъ на колѣни и вскрикнулъ:

— Братцы! раненъ...

И въ тотъ же моментъ другая пуля въ глазъ сразила навѣки нашего любимца Робинзона, а рядомъ и нѣсколькихъ бѣжавшихъ съ нимъ стрѣлковъ...

VI.

Все это вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ будетъ понятно только лицамъ, пережившимъ атмосферу войны. Мирные жители съ трудомъ поймутъ, какъ подобная атмосфера можетъ сразу зажечь людей, до того остававшихся спокойными; какъ вслѣдъ за глупымъ крикомъ и стрѣльбой поднимается нервная работа на нашей батарее, и около пушекъ, и среди окружающихъ генерала; какъ вихрь пуль и снарядовъ, трескъ и громъ выстрѣловъ, видъ сраженныхъ людей, видъ трусливыхъ, видъ всего боя электризуетъ неотразимо всѣхъ участниковъ поля битвы... Мирные люди могутъ составить себѣ о томъ лишь отдаленное понятіе по сравненію съ тѣмъ, что творится на большихъ пожарахъ, когда чувства невольнаго страха передъ стихіей и за себя, и за другихъ, смѣшиваются съ отчаянными усиліями побѣдить, спасти...

И вотъ, какъ результатъ этого новаго настроенія, болѣзненно-самолюбивый энтузіастъ капитанъ Гребенкинъ всакиваетъ на брустверь и, подъ жестокимъ огнемъ разсматривая крѣпость, горячо убѣждаетъ генерала, что путь есть, онъ его видитъ: вотъ сперва въ оврагъ, направо, дальше подъ обрывомъ... войти въ крѣпость легко, вотъ въ тотъ проломъ. Говоритъ ли въ немъ послѣдность человѣка, стоящаго въ огнѣ, опьянила ли жажда славы на подмосткахъ (онъ недаромъ носить на груди Георгій: смотрите—онъ выше всѣхъ, одинъ, въ огнѣ...), или дѣйствительно зажглось его сердце безотчетнымъ, неудержимымъ влеченіемъ туда, впередъ, въ пылъ той опасности (не страха, нѣтъ!), куда бросились другіе, свой?... Кто угадаетъ? Но этотъ энтузіазмъ дѣйствуетъ и на генерала, и его заставляетъ жить съ приподнятыми нервами, когда кажется, что видишь и понимаешь яснѣе, что способенъ угадать будущее.

— Дайте мнѣ 50 человѣкъ, я войду въ крѣпость и займу вонъ тотъ высокій курганъ, а вы меня тогда поддержите!—горячо говорить Гребенкинъ, указывая на ту часть крѣпости, которая стоитъ противъ широкой галечной низины.

Эта горячность вызываетъ рѣшеніе Абрамова:

— Хорошо, идите! Возьмите вотъ этихъ людей, — указываетъ онъ на 2-ю роту.

Гребенкинъ беретъ съ собою человѣкъ 60, направляется правѣе мѣста суматохи и, выйдя изъ-подъ прикрытія оврага на открытое русло, бросается къ видѣнной имъ тропкѣ, добѣгаетъ до стѣны и только тогда видитъ, что онъ ошибся. А непріятель сваливаетъ на него верхъ земляной стѣны и давить людей...

Это все происходитъ вправо отъ батареи, внизу, у самой стѣны. А тѣмъ временемъ прямо, сейчасъ за оврагомъ, на кладбищѣ смута, вызванная смертью Козловскаго, идетъ своимъ порядкомъ. Бѣжавшіе за нимъ люди замыслились и прижались за муллушкой. Не имѣя предводителя, не зная, что дѣлать, куда бѣжать, поражаемые и ружейнымъ, и артиллерійскимъ огнемъ въ упоръ (менѣе чѣмъ на 100 шаговъ), солдаты жались за могилки, прибывавшіе бросались въ хвостъ той же муллушки...

Дойди до нихъ Соковнинъ, махни рукой — и все забыло бы о смерти, ринувшись впередъ ко рву, на стѣну... Какъ разрѣшить теперь вопросъ: побѣдили ли бы непремѣнно эти люди, случайно затѣявшіе штурмъ? Дѣло мудреное, но много шансовъ было и за то, что, хотя и съ большими потерями, все-таки мы проникли бы въ крѣпость тогда же. Это чувствовалъ и Соковнинъ, начавшій подгонять людей, встрѣчавшихся ему въ оврагѣ и на подъемѣ.

Но только что онъ вышелъ на открытое мѣсто, какъ сразу зашатался: пуля сверху перебила ему ключицу и проникла въ грудь (ни одинъ ротный не былъ раненъ ни тогда, ни послѣ)...

Бѣда съ Соковнинымъ сразу перевернула все дѣло. Нѣсколько офицеровъ (въ числѣ ихъ былъ и Раевскій) и солдатъ бросаются къ нему и подъ руки ведутъ его обратно въ оврагъ (при чемъ онъ раненъ вторично пулей въ ногу); его кладутъ, разстегиваютъ китель, удерживаютъ кровь, другіе усиливаютъ крики:

— Назадъ, назадъ! Носилки! воды!...

Все столпилось теперь около этого новаго центра въ оврагѣ.

Обезсиленный полковникъ повторяетъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы это сдѣлали! Зачѣмъ это сдѣлали?—укоряя ли ихъ за то, что вывели его изъ огня, или за то, что вернулись съ нимъ, бросивъ бой и крича «назадъ»...

Тяжело раненый командиръ въ трудную минуту боя хуже вліяетъ на ходъ событій, чѣмъ убитый наповаль. Убить — и все: слѣдующему офицеру остается только крикнуть «за мной, отмстимъ!» и снова у колонны есть общая душа, есть съ кѣмъ идти. А раненый — къ нему бросаются всѣ съ сожалѣніемъ, съ помощью, его ведутъ, несутъ въ укрытое мѣсто... а бой забытъ, а солдаты безъ командира, у нихъ на глазахъ удаляются съ поля офицеры, точно говоря: бѣда, сражаться больше невозможно.

— Полковника убили! назадъ пошелъ! — кричить неистово то горло, которое хочет оправдаться и передъ собой, и передъ всѣми за то, что собралось бѣжать назадъ...

— Назадъ, назадъ пошелъ всѣ! — катилось теперь такъ же, какъ только что несло побѣдное «ура».

Солдаты 1-й и стрѣлковой ротъ, раскиданные и у стѣны, и на кладбищѣ, стали сбѣгаться къ оврагу. Крѣпость застонала побѣдными криками, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ шахрисябцы пытались сдѣлать вылазки, бросившись за бѣгущими солдатами. Одна изъ такихъ вылазокъ прежде всего кинулась вслѣдъ за нами, когда мы поднялись съ земли и побѣжали къ оврагу. Неистовые крики сзади заставили меня обернуться. Я остановилъ товарищей, и мы вспомнили про наши невыстрѣленные винтовки: до бухарцевъ было шаговъ 30, и самые передовые ихъ храбрецы упали отъ нашихъ выстрѣловъ, остальные заколебались...

Сбѣгавшіе въ оврагъ солдаты разбрасывались по нему, какъ попало, то кучками, то вразсыпную. Никто не зналъ, что нужно дѣлать...

Генераль, еще не зная о Соковнинѣ и желая поддержать Гребенкина, послалъ одного изъ штабныхъ въ оврагъ: пусть стрѣлковая рота идетъ направо, на поддержку Гребенкину. Посланный (капитанъ генеральнаго штаба А. В. Соболевъ) набрасывается на стрѣлковаго ротнаго — возьмите роту и идите!

Тотъ не знаетъ, гдѣ его солдаты.

— Гдѣ ваша рота? гдѣ рота? возьмите вашу роту! — кипятится легко вскипающій Соболевъ, не умѣя понять, какъ такъ ротный командиръ безъ роты и не можетъ ее собрать.

— Какъ же я ее возьму, господинъ капитанъ, когда она неизвѣстно гдѣ! у меня нѣтъ людей! — совершенно растерялся ротный въ виду такого новаго испытанія: идите въ огонь.

Соболеву ужасно мизерна показалась эта фигура съ поднятой рукою къ козырьку, — онъ вышелъ изъ себя и брезгливо обругался:

— Какой вы ротный: вы з... а!!¹⁾.

До батареи доходятъ свѣдѣнія, что Соковнинъ тяжело раненъ, и люди спутались. Абрамовъ посылаетъ Меллера-Закомельскаго: пусть Раевскій приметъ баталіонъ и самъ ведетъ людей. Тотъ сбѣгаетъ въ оврагъ къ Раевскому и передаетъ приказаніе.

— Куда вести? — спрашиваетъ удивленный Раевскій: — снова туда? развѣ это возможно?!

Закомельскій не знаетъ предыдущихъ распоряженій, не знаетъ, что генераль продолжаетъ настаивать на поддержкѣ Гребенкина, и на вопросъ Раевскаго отвѣчаетъ:

¹⁾ Вслѣдствіи это сдѣлалось извѣстно начальству, несчастнаго ротнаго вызвали въ Ташкентъ, и Головачевъ объявилъ ему: выходите въ отставку, я съ з... ми не служу.

— Я передаю вамъ приказаніе генерала, чтобы вы вели сами людей.

— Но куда же, куда вести?! — горячится Раевскій, размахивая костлявыми руками: — опять туда? но вѣдь это невозможно! — восклицаетъ онъ, подразумевая штурмъ черезъ кладбище.

— Куда же еще? — горячится и Закомельскій: — что вы трусите что ли? — срывается у него съ языка.

— Я говорю, что это невозможная вещь! — вспыхнулъ Раевскій. — А что я не трушу, вы это сейчасъ увидите.

Онъ обнажаетъ свою кавказскую шапку и бросается къ ближайшей кучкѣ солдатъ, въ которой находился и я.

— Ребята, за мной, ура! — крикнулъ Раевскій, поднимая шапку и бросаясь снова на кладбище.

Раевского почти не знали солдаты лично. Не знали толкомъ, что онъ состоитъ помощникомъ Соковнина. Не знали и о томъ, что ему приказано принять и вести баталіонъ. Поэтому его обращеніе всѣхъ удивило.

Слѣдя подробно за мелочами этой спутанной драмы, слыша разговоръ Меллеръ-Закомельскаго и понимая ужасное положеніе Раевского, я крикнулъ солдатамъ:

— Братцы, это нашъ теперешній баталіонный командиръ — за нимъ, ребята! — Я бросился слѣдомъ за Раевскимъ, увлекая за собою ближайшихъ стрѣлковъ. Мы выбѣжали снова на гласисъ, подъ страшный огонь съ крѣпости.

— Ваше скоблородіе! съ нами никого нѣту! — слышимъ мы сзади крикъ. Раевскій обернулся: передъ нимъ дѣйствительно было не больше десятка полтора людей.

— Людей нѣту, ваше в—діе, идти не съ кѣмъ: безъ людей невозможно! куда же пойдемъ — никого нѣтъ! — повторяли ему голоса.

Замѣтивъ это ошибочное движеніе, съ батареи прибѣжалъ новый посоль, чтобы вернуть Раевского и послать роты не прямо, а вправо.

Мы спустились въ оврагъ, черезъ который въ это время съ огромными затрудненіями протаскивали горныя орудія, запутавшіяся въ густомъ виноградникѣ. Ихъ командиръ — высокій и массивный поручикъ Пистолькорсъ, котораго товарищи всѣ звали «шведомъ»¹⁾, энергично распоряжался людьми и живо на рукахъ выдвинулъ своихъ малютокъ на кладбище, чтобы дѣйствовать противъ вылазки.

— Картечь! — сильнымъ голосомъ скомандовалъ онъ, стоя выше всѣхъ насъ надъ оврагомъ, подъ жестокимъ огнемъ съ разстоянія сотни съ небольшимъ шаговъ.

Прислуга стала падать, замѣняя другъ друга. Одинъ, не успѣвши

¹⁾ Однофамилецъ кавалерійскаго полковника, всегда сердившійся, когда его спрашивали: «вы, конечно, родственникъ полковника?».

догнать заряда, упалъ смертельно раненый, не выпуская банника изъ рукъ.

— Возьми у него банникъ! — крикнулъ Пистолькорсъ слѣдующему.

— Нѣтъ... я... самъ... сдѣлалъ сидя послѣднее усиліе бѣдняга и упалъ мертвымъ подъ дуло орудія.

— Ваше благородіе, такъ всѣхъ перебьютъ! — не выдержалъ кто-то изъ прислуги такой силы и близости стрѣльбы.

— Ну, такъ что-жь? И меня убьютъ вмѣстѣ съ вами, — неотразимо отвѣтилъ командиръ, возвышавшійся головой надъ всѣми смущенными людьми, и открылъ стрѣльбу.

Эффектъ былъ поразительный. Пистолькорсъ сдѣлалъ не два, а до шести выстрѣловъ, совершенно разгромивъ толпы, выскочившія съ такой поспѣшностью изъ крѣпости.

Взводъ горныхъ орудій двинулся изъ траншей въ оврагъ по собственной инициативѣ Пистолькорса:

— Я пошелъ потому, что по диспозиціи обязанъ былъ идти вслѣдъ за штурмующей колонной. Вы штурмовали, я за вами, — и я, если не ошибаюсь, пришелъ въ время? — объяснялъ онъ потомъ, стараясь выразаться лаконично и красиво.

Эпизодъ этотъ нужно считать однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ теченіе 13-го августа.

Онъ же помогъ, наконецъ, собрать вмѣстѣ и раскидавшихся по оврагу людей. Чтобы собрать стрѣлковъ, я воспользовался простой примѣтой: у нихъ былъ длинный прицѣлъ на винтовкахъ. Не зачѣмъ было засматривать каждому въ лицо, а, подойдя сзади къ засѣвшимъ по кустамъ и вдоль гребня оврага, я прямо бралъ стрѣлка съ длиннымъ прицѣломъ за плечо и приказывалъ ему идти въ сборный пунктъ.

Стрѣлковую и 2-ю роту двинули наконецъ вправо, и мы стали уже спускаться изъ оврага, когда пришло приказаніе возвратитъ всѣхъ: ничтожный остатокъ изъ команды Гребенкина (9 изъ 60) уже вернулся, посланные казаки за нѣсколькими ранеными, упавшими на открытомъ мѣстѣ, — тоже.

VII.

Когда именно раненъ былъ Абрамовъ, — я не помню. Знаю, что уже послѣ того, какъ Гребенкинъ двинулся къ крѣпости. Абрамовъ, чтобы не стѣснять никого на батарее и не тянуться черезъ брустверь, взялъ съ собою Троцкаго и вышелъ наружу. Ему пришла какая-то мысль, и онъ хотѣлъ провѣрить ее.

— Знаете, что я думаю, Виталій Николаевичъ, — сказалъ онъ, притягивая за руку къ себѣ ближе Троцкаго... въ этотъ моментъ пуля ударила его въ животъ. Онъ вскрикнулъ, всѣ бросились къ

нему, увели на батарею, требовали доктора, уговаривали генерала сдѣлать перевязку, онъ не соглашался, говоря, что все пустяки.

Какъ бы то ни было, рана Абрамова никакой путаницы не создала, ибо путаница началась еще далеко до этого. Но несомнѣнно, что рана его повліяла на дальнѣйшія рѣшенія, хотя на половину дѣло было рѣшено раньше—смертью Козловскаго, выбытіемъ Соковнина, неспособностью ротныхъ и новизною Раевского.

Когда былъ раненъ Н. Н. Раевскій, я тоже не знаю, и узналъ объ этомъ гораздо позже, зайдя на батарею по отъѣздѣ генерала. Тамъ мнѣ рассказали офицеры, что Н. Н., не смотря на настоянія ихъ и доктора, рѣшительно отказался отъ перевязки, пока не перевяжутъ всѣхъ другихъ раненыхъ. Ранѣ своей онъ не придавалъ никакого значенія, и назавтра утромъ 14 августа онъ отлично, какъ истый гусарь, ѣхалъ верхомъ передъ войсками, когда мы вошли въ крѣпость.

Съ отъѣздомъ генерала съ нашей батареи картина совершенно измѣнилась: стрѣльба ослабѣла, траншеи наполнились ранеными и ихъ стопами, а уцѣлѣвшіе примолкли и приугнулись. Назвать это «совершеннымъ упадкомъ духа» было бы невѣрно. Это былъ временный упадокъ силъ, упадокъ нервовъ, какъ реакція излишнему ихъ напряженію—не больше. Это общее состояніе я испыталъ вмѣстѣ съ другими. Возвратясь въ траншею, я почувствовалъ такую внезапно охватившую меня усталость, что тотчасъ же свалился на землю и, чтобы меня ничто не беспокоило, закрылся съ головой тяжелой шинелью, хотя подъ нею и было страшно жарко и душно. Бессонная ночь наканунѣ при постройкѣ батареи, цѣлый день безъ пищи и главное безъ питья, потомъ бѣготня, прыжки по виноградникамъ, суета среди общей путаницы и сильная работа нервовъ подъ впечатлѣніемъ боя съ его обиднѣйшей путаницей, нашихъ тяжелыхъ потерь и т. п.,—все это такъ измучило меня, что мнѣ хотѣлось плакать. Тяжесть въ головѣ, спазмы въ высохшемъ горлѣ и острая рѣзь въ груди составляли прямо боль, физическое страданіе, угнетавшія всего человѣка, и безъ того истерзаннаго нравственно. Вскорѣ по траншеѣ стали изрѣдка раздаваться служебные призывы: «Пошелъ за водой для раненыхъ! Вставай, вставай, бери котелки за водою!». Но я лежалъ подъ своей шинелью и не отзывался: я чувствовалъ себя, если и не раненымъ, то больнымъ, и все время увѣрялъ себя въ этомъ.

Вдругъ, слышу, ко мнѣ подошелъ кто-то, приподнялъ немного шинель и, считая меня раненымъ, протянулъ мнѣ полный котелокъ воды.

— На, напейся водицы,—сказалъ онъ просто и почти не глядя на меня.

Я схватилъ котелокъ и, какъ ребенокъ, припалъ къ мутной теплой водѣ, казавшейся мнѣ лучшимъ желаннымъ напиткомъ. Едва

пересиливъ себя, я отдалъ полкотека воды назадъ солдату, спѣшно сказалъ «спасибо» и бросился снова подъ шинель. Я спѣшилъ спрятаться, потому что мнѣ было стыдно, совѣстно за эту воду, выпитую мною мошеннически, воду принесенную болѣе чѣмъ изъ-за полверсты исключительно для раненыхъ... Но та же вода показала мнѣ, что все страданіе сводилось только къ временному физическому упадку силъ: черезъ нѣсколько минутъ я уже чувствовалъ себя вполне бодрымъ и, набравъ у сосѣдей по нѣсколько котелковъ въ каждую руку, отправился съ другими за водой, чтобы потомъ щедро раздавать раненымъ, какъ долгъ, лежавшій на моей совѣсти. Хотя идти за водою можно было и по самымъ траншеямъ, вполне безопасно, если посильнѣе пригнуться, но о такомъ способѣ ходьбы теперь уже никто не думалъ, а всѣ выходили изъ траншеи на поле и шли открытымъ мѣстомъ. Стрѣльба теперь изъ крѣпости сдѣлалась столь рѣдкою, что намъ по сравненію съ только что пережитымъ она была почти незамѣтной, и люди относились къ пролетавшимъ пулямъ совершенно пассивно.

Пришедши къ водѣ, мы прежде всего опустили на колѣни и стали пить вприпадку не отрываясь. Оказалось, что воду обстрѣливаютъ непріятельскіе охотники, и мы сейчасъ же вступили съ ними въ перестрѣлку...

Правда, когда спустились сумерки, по траншеямъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышались разговоры, навѣянные неудачнымъ штурмомъ, разговоры, всѣ сходящіеся къ тому, что надо войска больше, столь перебили народу, куда же пойдешь, какъ же возьмешь безъ людей и т. п. Опять же командира сразили и Козловскаго—съ кѣмъ пойдешь?

Это настроеніе отразилось ночью на нѣсколькихъ душахъ, но общее зерно было цѣло и крѣпко.

— Что же, по-твоему, уходитъ отсюда надо? Какъ странно рассуждаютъ! На то война: велятъ, и пойдешь—довольно просто!..

Что чувствовалось всѣми, но не высказывалось—это робость за офицеровъ, случайный составъ которыхъ не давалъ твердой увѣренности людямъ, что «за ними можно идти куда угодно». Сегоднешній штурмъ показалъ имъ ясно, что такихъ, за которыми они «свободно» ходили въ дѣлахъ 1868 года, у нихъ теперь нѣтъ, а чужихъ, штабныхъ, они не знали, равно какъ и Раевского. Къ сожалѣнію, предчувствія солдатъ насчетъ своихъ наполовину оправдались...

Той же болью, но въ сильнѣйшей степени щемило въ темнотѣ сердце стараго полковника, прикованнаго къ походной койкѣ за двумя ближайшими деревьями сосѣдняго сада. Передъ его воспаленными глазами вставали картины и думы, одна другой обиднѣе, густо окрашенные въ пессимистическій тонъ его болѣзни и безсонницы.

Долженъ отмѣтить еще одну подробность, касающуюся 13 ав-

густа и непонятную въ изложеніи г. Полторацкаго. «Съ самой минуты отбитаго штурма, — пишетъ онъ на стр. 429, — вдоль барбетовъ (?), по наружному фасу (!) толпами скакали всадники» ¹⁾. Это несомнѣнное недоразумѣніе, и я подозреваю, что разсказъ идетъ вотъ о чемъ.

Въ крѣпостной стѣнѣ, примѣрно на срединѣ между нашими лѣвой и правой батареями, былъ довольно значительный проломъ, который хотя и былъ заложень мѣшками, но заложень низко въ одинъ рядъ, такъ что если за проломомъ въ крѣпости ѣхалъ верховой, то его хорошо было видно отъ насъ, и въ особенности съ кургановъ, гдѣ были поставлены наши орудія. Тамъ такъ и слѣдили: какъ замѣтятъ, что за проломомъ передвигаются бухарцы, такъ сейчасъ туда гранату. Когда начался штурмъ лѣвой колонны, то въ крѣпости поднялось огромное передвиженіе войскъ, главнѣйше кавалеристовъ. Это передвиженіе шло безпрепятственно за сплошными стѣнами до пролома, а какъ дойдутъ до него всадники, то и замнутя. Когда скопится ихъ побольше, они сразу и бросятся вскачь чрезъ открытое пространство, желая избѣгнуть бдительный гранаты. Движеніе такихъ кавалерійскихъ партій сперва шло въ сторону лѣвой батареи, а когда штурмъ окончился, то ожидая возможности штурма правой нашей колонны, «толпы всадниковъ» проскакивали также слѣва направо. Но все это внутри крѣпости, а не «вдоль барбетовъ по наружному фасу» ²⁾.

VIII.

Ночь на 14-е число прошла одинаково тревожно на обѣихъ батареяхъ. И тамъ, и тутъ готовились къ ночному штурму: главный выпадалъ на правую колонну, второстепенный на нашу. Тамъ готовили лѣстницы, здѣсь надѣялись найти удобные входы и безъ нихъ — вѣдь какъ нибудь спускался же непріятель изъ крѣпости, когда днемъ дѣлалъ вылазки?

Вечеромъ я заходилъ на батарею: тамъ всѣ вповалку лежали, или молча, или перебрасываясь пустыми фразами. Всѣ были озабочены не столько личнымъ вопросомъ, сколько общимъ успѣхомъ предстоящаго черезъ нѣсколько часовъ штурма... Къ этому прибавилась забота ближайшая — отправка охотниковъ за убитыми, оставленными на кладбищѣ, и въ числѣ ихъ за Козловскимъ. Раевскій

¹⁾ Барбетъ, какъ извѣстно, представляетъ небольшую площадку, на которой внутри крѣпостной стѣны стоятъ орудія, и скакать толпами тамъ негдѣ; а скакать по наружному фасу отвѣсной стѣны значитъ скакать внѣ крѣпости, по сю сторону стѣны, выйдя изъ крѣпости. Этого не могло быть, ибо такъ скакать, «торжествуя побѣду», можно было только подъ вѣрными выстрѣлами нашей батареи и нашихъ стрѣлковъ.

²⁾ Одинъ изъ эпизодовъ, относящихся къ этому передвиженію непріятели и дѣйствию нашей артиллеріи, описанъ мною въ главѣ «Штурмъ».

быть озабоченъ болѣе всѣхъ, что, конечно, всякому казалось вполне понятнымъ...

Кстати о Николаѣ Николаевичѣ Раевскомъ.

Г. Полторацкій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» при всякомъ случаѣ почему-то старается сказать что нибудь непріятное по его адресу: называетъ его самодуромъ, неспособнымъ, смѣется надъ его храбростью, издѣвается надъ раной и т. п. Это несправедливо.

Н. Н. Раевскій типъ очень интересный и сложный. Прекраснаго домашняго воспитанія, кандидатъ математическихъ наукъ ¹⁾, гордый потомокъ историческаго дѣда-драгуна, богатый человекъ, славянофиль-энтузіастъ, тяжелый теоретикъ и пылкій исполнитель идеальныхъ проектовъ, баловень гусарь, превратившійся въ боеваго пѣхотинца-туркестанца, — онъ соединялъ въ себѣ самыя характерныя черты Донъ-Кихота въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это былъ большой чудакъ, иногда казавшійся маниакомъ, но чудакъ самыхъ честныхъ правилъ, затѣвавшій на свои собственные средства организовать нѣсколько сотенъ конныхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ берданками, для успѣшныхъ дѣйствій въ Туркестанѣ; чудакъ, который мечталъ, опять таки на одни свои личные средства, ввести въ Туркестанѣ правильную культуру хлопка, шелководства, винодѣлія, — и на это истратилъ не одинъ десятокъ тысячъ рублей, истратилъ безъ всякой мысли о барышахъ, о гешефтѣ, о субсидіяхъ, промессахъ, процентахъ и т. п., о чемъ начинаютъ всегда и прежде всего думать современные «дѣльцы» и «учредители». Онъ и по внѣшности напоминалъ Донъ-Кихота: высокій, худой, съ длинной шеей, съ своеобразнымъ отпечаткомъ заботливости на лицѣ, съ продолжительными, тяжеловѣсными и скучными разказами на свои излюбленныя темы, довѣрчивый и легковѣрный, — онъ тотчасъ же внимательно и сердечно прислушивался ко всякой просьбѣ, ко всякому разказу о несправедливости, и тотчасъ же рѣшался на помощь, отправлялся хлопотать и ходатайствовать, если это требовалось. Всегда обложенный массой газетъ и журналовъ (среди которыхъ было больше полдюжины славянскихъ), техническими книгами, брошюрами на разныхъ языкахъ, онъ искреннѣйше зарывался въ ихъ листы, посвящать во всѣ тайники своихъ знаній всякаго, кто только показывалъ видъ, что интересуется дѣломъ. Это былъ самый неумѣлый, конечно, но самый заботливый и самый серьезный командирь-попечитель, котораго легко можно было обмануть, но нельзя было ничѣмъ подкупить.

Онъ гордился своимъ знаменитымъ дѣдомъ, зналъ наизусть всѣ его боевыя подвиги, хотѣлъ быть непременно на него похожимъ и въ то же время искреннѣйше считалъ самымъ полезнѣйшимъ для Туркестана мирное, культурное его развитіе.

¹⁾ Сколько помнится, Московскаго университета.

Также мечтательно и добродушно онъ велъ себя и во время перваго своего боя подъ Шахриязбсомъ. Собрался онъ въ отрядъ во всеоружіи: при немъ была историческая шапка, о клинкѣ которой онъ могъ повѣствовать цѣлыхъ два дня, револьверъ, богатый кинжалъ, два ружья — магазинное и берданка, кавказская бурка, разныя мудренныя походныя сумки, — и при всемъ этомъ камердинеръ съ разными несессерами и принадлежностями до запаснаго шампанскаго включительно. Прапорщикъ Козловскій, какъ истый Робинзонъ и герой Куперовскихъ романовъ, первый обрушился на вооруженіе Раевского, осмотрѣлъ его опытнымъ глазомъ бойца и походнаго человѣка и забралъ себѣ кинжалъ и обѣ скорострѣлки (одна погибла вмѣстѣ съ нимъ на полѣ битвы)¹⁾.

Когда былъ раненъ Соковнинъ, Раевскій не отходилъ отъ него до тѣхъ поръ, пока его не назначили командиромъ. Этого, повидимому, онъ никакъ не ожидалъ и совершенно не зналъ, какъ ему быть среди той замѣчательной путаницы, которая происходила тогда въ оврагѣ, въ особенности лицомъ къ лицу съ горячимъ недоразумѣніемъ, принесеннымъ ему Меллеромъ-Закомельскимъ.

Онъ былъ глубоко потрясенъ всѣмъ окружающимъ и долго потомъ разсуждалъ, слушалъ, разспрашивалъ, соображалъ — почему и какъ. Его ужасно огорчало, что наши убитые, и въ томъ числѣ Козловскій, не убраны съ поля битвы, и когда ночью организовалась команда охотниковъ для сбора тѣлъ, Н. Н. крайне заботливо огнесся къ этому дѣлу. Ночью, когда мы готовились къ новому штурму, Раевскій также искренно хлопоталъ о порядкѣ, о направленіи движенія и проч. Подойдя ко рву, онъ съ первыми солдатами, нашедшими спускъ, бросился въ него и въ числѣ самыхъ первыхъ удалцовъ влѣзъ на барбетъ²⁾.

Совершенный новичекъ въ боевыхъ дѣлахъ, не знающій, какъ командовать пѣхотой, незнакомый съ людьми, которыми онъ былъ назначенъ управлять, непривычный ориентироваться среди ночной толкотни и неизвѣстности, вынужденный спорить съ Соболевымъ, желавшимъ распорядиться, — Н. Н., не смотря на множество комичныхъ положеній, выдержалъ эту ночь и утро съ полнымъ достоинствомъ, все время впереди, покомандирски. И это тѣмъ болѣе важно отмѣтить, что на время ночного штурма нѣсколько офицеровъ отсутствовало и, на примѣръ, та же стрѣлковая рота оказалась безъ фельдфебеля и ротнаго: первый еще съ вечера сказался больнымъ и завѣдомо остался въ траншеяхъ въ числѣ слабыхъ, второй затерялся въ темнотѣ и догналъ роту уже днемъ, на спокойномъ маршѣ колонны. Въ первой ротѣ также затерялся на время штурма

¹⁾ Козловскій участвовалъ юнкеромъ во всѣхъ походахъ Бухарской кампаніи и имѣлъ солдатскаго Георгія.

²⁾ Лѣзли мы изо рва въ амбразуру безъ лѣстницъ, попросту подсаживая другъ друга, по плечамъ товарищей, такъ сказать, по живой лѣстницѣ.

субалтернъ. Раевскій отнесся къ этимъ печальнымъ фактамъ строго, но безъ запальчивости, безъ шума.

Искренній служитель идеи освобожденія славянъ, Раевскій, какъ извѣстно, кончилъ жизнь на полѣ битвы за это освобожденіе. Это былъ послѣдній «подвигъ» Донъ-Кихота, подвигъ, который заставляетъ всякаго сердечнаго человѣка съ почтеніемъ склонить голову надъ его могилой...

IX.

Г. Полторацкій даетъ длинное описаніе бывшей послѣ штурма баранты, рисуя «забавныя» картины мародерства солдатъ, тащившихъ изъ города въ лагерь все, что удалось добыть—халаты, одѣяла, посуду, провизію, и добродушно наслаждавшихся потомъ своимъ «временнымъ» богатствомъ¹⁾. При этомъ авторъ «Воспоминаній» говоритъ, что ему показался «страннымъ» этотъ обычай въ краѣ, что на Кавказѣ будто мародерства вовсе не было, такъ какъ оно строжайше преслѣдовалось.

Я нахожу, что описаніе баранты г. Полторацкимъ сдѣлано крайне односторонне. Необходимо указать два важныхъ обстоятельства, о которыхъ у него совершенно не упоминается.

Первое было категорическое приказаніе Абрамова начальникамъ штурмовыхъ колоннъ никоимъ образомъ не допускать солдатъ до баранты, пока войска не займутъ крѣпость окончательно.

О такомъ приказаніи я знаю отъ Раевского. Когда наша колонна 14-го числа вошла въ крѣпость, прошла уже половину крѣпостной стѣны и заняла указанное мѣсто, ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Абрамова, намъ пришлось долго стоять въ пустынной части крѣпости, стоять безъ всякаго дѣла и безъ пищи, такъ какъ, отправляясь въ ночной штурмъ, мы все оставили въ траншеяхъ и съ собой взяли только одни патроны. Солдаты, утомленные двумя бессонными ночами и вчерашнимъ боемъ, вспомнили прежде всего о томъ, что въ нашей кухнѣ нѣтъ мяса, и хорошо было бы озаботиться по этой части.

Мнѣ пришлось докладывать объ этомъ Раевскому.

— Позвольте послать людей на фуражировку, скотины достать,— закончилъ я свой докладъ.

— Ни подъ какимъ видомъ! — ужаснулся онъ: — генераль Абрамовъ настаивалъ на этомъ и нѣсколько разъ подтверждалъ мнѣ, чтобы мародерства не было. Я далъ ему слово...

— Это не мародерство, г. подполковникъ, а фуражировка...

Необходимо было очень подробно разъяснить ему, что люди пойдутъ только добыть одну скотину или нѣсколько телятъ для рот-

¹⁾ Сцены туркестанской баранты весьма талантливо и несравненно жизненнѣе изображены очень давно въ первыхъ очеркахъ Н. Н. Карамзина, если не ошибаюсь, при описаніи взятія нами города Ургута.

ной кухни, что это неизбежный обычай всякой войны, и что Абрамовъ, запрещая баранту, понималъ дозволеніе солдатамъ таскать всякія вещи, скарбъ, товары и проч., причемъ обыкновенно соблазнить двухъ-трехъ раздобывшихъ заражалъ понемногу большинство, и роты разсыпались по садамъ, домамъ и лавкамъ; что, напротивъ, на фуражировку отправляется партія по назначенію и подъ начальствомъ особаго старшаго унтеръ-офицера, отвѣтственнаго за команду.

Раевскій все-таки не соглашался и все время ссылался на точныя приказанія Абрамова. Мнѣ пришлось самому лично взяться за эту фуражировку, чтобы успокоить его, и только когда появилось около роты нѣсколько телятъ, къ которымъ назначили форменнаго ротнаго «пастуха», онъ призналъ воочію, что это не баранта, а мясо для ротнаго котла.

Баранта была разрѣшена уже тогда, когда всѣ войска стали лагеремъ въ цитадели Китаба.

При взятіи Самарканда въ маѣ 1868 г. Кауфманомъ точно также было строжайше запрещено хоть малѣйшее мародерство, и это было выполнено въ точности. Какіе-то неясные слухи о нѣсколькихъ одѣялахъ подняли цѣлый розыскъ во всѣхъ войскахъ...¹⁾ Но когда черезъ мѣсяцъ послѣ осады Самаркандской цитадели бухарцами Кауфманскій отрядъ былъ встрѣченъ баррикадами и выстрѣлами, — онъ рѣшилъ наказать городъ: послалъ всюду отряды, приказалъ зажечь базаръ и окрестности цитадели и разрѣшилъ баранту. Войска отправлялись командами, ловили народъ и тащили, что попадало подъ руку, а что не могли — били, уничтожали. Черезъ три дня былъ отданъ приказъ прекратить баранту, и ослушниковъ стали крѣпко наказывать.

Какъ разъ тогда А. К. Абрамову пришлось имѣть дѣло съ укрощеніемъ мародеровъ. При отрядѣ 1868 года была авганская сотня, которая образовалась наканунѣ кампаніи изъ людей, бѣжавшихъ изъ Авганистана въ наши предѣлы. Кауфманъ сдѣлалъ изъ нихъ летучую кавалерійскую дружину и по занятіи Самарканда отдалъ ее въ распоряженіе Абрамова. Стали доходить слухи, что въ окрестныхъ садахъ продолжается баранта. Сперва думали на русскихъ, и Кауфманъ сердился, думая, что начальники частей только покрываютъ своихъ людей. Абрамовъ не вѣрилъ и спорилъ, что слухи невѣрны, ибо былъ убѣжденъ въ войскахъ. Наконецъ истина раскрылась: ему донесли, что барантуютъ авганцы. Онъ экстренно командировалъ двѣ сотни уральцевъ — забрать этихъ негодяевъ и привести къ нему. Авганцевъ накрыли съ поличнымъ, обезоружили и пригнали къ Абрамову, жившему въ садахъ. Онъ приказалъ ихъ всѣхъ ввести въ садъ и вышелъ къ нимъ одинъ съ адъютантомъ и переводчикомъ.

¹⁾ Эти сцены подробно описаны въ моей книжкѣ: «Подъ Самаркандомъ. Разсказъ новичка»

Передъ нимъ стояла толпа угрюмыхъ черныхъ лицъ съ блестящими глазами. Впереди три ихъ начальника въ офицерскихъ погонахъ («заурядъ»-офицеры) глядѣли исподлобья на А. К., считая себя дважды оскорбленными: во-первыхъ, ихъ остановили на барантѣ, во-вторыхъ, обезоружили.

— Какъ вы осмѣлились, негодяи, послушаться моего приказанія?!—сталъ ихъ разносить разсерженный Абрамовъ.

Авганскій офицеръ сталъ отвѣчать, возражать.

— Молчать, мерзавецъ! — крикнулъ генераль. — Прикажете ему молчать!—повторилъ онъ переводчику.

Авганецъ не унялся и снова возразилъ съ большой горячностью.

Абрамовъ быстро подошелъ къ нему и со всего размаху далъ собственноручно пощечину. Всѣ гордые заурядъ-офицеры пали на колѣни, а за ними разомъ вся авганская дружина.

Никто и никогда еще не видалъ такимъ сердитымъ Абрамова, какъ тогда. Онъ взволнованный ходилъ передъ колѣнопреклоненными, бранился и приказывалъ буквально переводить его слова.

— Въ солдаты отдамъ!—пригрозилъ онъ дрожавшимъ заурядъ-прапорщикамъ и капитанамъ.

Съ этихъ поръ и авганцы бросили всякія попытки къ барантѣ. Съ такой энергіей умѣлъ Абрамовъ сдерживать мародерство, когда это требовалось.

Разрѣшеніе баранты въ Китабѣ объясняется политическими обстоятельствами. По убѣжденіямъ среднеазиатцевъ, чтобы показать строгость побѣдителя, необходимо предать побѣжденныхъ самой свирѣпой барантѣ. Въ данномъ случаѣ Китабъ и Шааръ были «ослушники», «бунтовщики», «измѣнники» противъ бухарскаго эмира. Наша экспедиція должна была не только не дать имъ возможности распространить междоусобную войну на нашей границѣ, но и наказать ихъ открытое возмущеніе, сломить историческую славу ихъ непобѣдимости, тѣмъ болѣе, что крѣпость мы не оставляли за собой, а передавали бухарскимъ властямъ ¹⁾.

Кстати сказать: я не знаю истиннаго положенія дѣла на Кавказѣ по части мародерства въ тѣ времена, но я зналъ въ Туркестанѣ очень много кавказскихъ офицеровъ, и среди нихъ хорошій процентъ отличался особенными симпатіями къ туркестанской барантѣ. Полагаю, однако, что дѣло это ведется не столько странною, сколько прежде всего наклонностями человѣческими. Были и въ Туркестанѣ люди, съ крайнимъ равнодушіемъ проходившіе мимо торжища баранты и безучастно смотрѣвшіе на изумительные результаты человѣческой жадности.

Второе важное обстоятельство, почему-то совершенно опущенное

¹⁾ Въ Бухарскую кампанію шахрисябцы были самыми жестокими нашими врагами. Имъ принадлежала наибольшая доля участія въ осадѣ Самарканда.

авторомъ «Воспоминаній», было то, что въ барантѣ самое широкое участіе принимали офицеры, какъ строевые, такъ и штабные. Участіе это выражалось въ покупкѣ у солдатъ набарантованныхъ вещей за безцѣнокъ, потому что солдатъ ихъ второпяхъ не цѣнили ни во что, даже часто не успѣвая толкомъ разглядѣть добытое. Кромѣ того, солдатъ не могъ и оставить при себѣ это добытое, а офицеры имѣли повозки и могли многое везти съ собою. Поэтому солдату оставалось только одно: возможно быстрѣе сбывать вещи и добывать новыя, превращая все въ портативныя бумажки.

Но еще хуже. Офицеры пользовались своимъ вліяніемъ, своимъ начальствованіемъ: командиры частей отбирали у своихъ солдатъ вещи получше, давая имъ за нихъ ничтожнѣйшія цѣны по своему усмотрѣнію, въ родѣ «на водку» за добытую дичь на охотѣ. Нѣкоторые практики сидѣли «на тракту», перехватывали солдата, пока онъ еще не добрался до людныхъ мѣстъ, и сторговывали вещи за безцѣнокъ. Другіе, понастойчивѣе, такъ прямо отдавали приказаніе, чтобы солдаты съ барантой не смѣли продавать ничего, пока они не осматрять принесенныхъ вещей.

Жадность разгоралась у многихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Помѣщенія такихъ любителей превращались въ цѣлые склады разныхъ ковровъ, кусковъ шелковыхъ матерій, оружія въ серебрѣ и бирюзѣ, множества поясовъ, уздечекъ, шелковыхъ одѣялъ, халатовъ, даже женскихъ шелковыхъ рубахъ, штановъ и т. п.

Любители бѣгали одинъ къ другому и вострили алчные глаза. Энергія кипѣла ключомъ. Разговоры сплошь были одного тона.

— Ну-ка, ну-ка, покажи! Боже мой, какая роскошь! Сколько далъ?

— Рублевку, а это—три кокана (три двугривенныхъ). Стоить?—хвастается мастеръ.

— Еще бы! да ты въ Самаркандѣ сейчасъ получишь за коверъ 25, а за то 10 рублей.

— Нѣтъ, мы ужасно дорого за все платили!—слышатся сокрушенія:—потому что насъ тамъ много, начнутъ набивать цѣну...

— Уступите мнѣ одинъ—ну, зачѣмъ вамъ столько?—говорять въ другомъ углу.

— По 10 рублей, извольте,—полушутя отвѣчаетъ обладатель многихъ экземпляровъ.

— Ишь чего захотѣлъ: самъ, поди, далъ двугривенный или полтинникъ...

— Четыре рубля?!—изумляется въ сосѣдней палаткѣ знатокъ дѣла:—четыре рубля! Ахъ, младенецъ, младенецъ! Да вѣдь я купилъ три такихъ точно за рубль...

Хозяйственные люди — тѣ особенно заботливо относились къ скотинкѣ и скупали коровъ. Цѣна за корову установилась въ полтинникъ. Половина головъ (по общему обычаю) шла въ роты на

довольствіе, а половину получше — такіе хозяева оставляли за собою, платя за голову 50 коп. Для нихъ это было очень удобно, ибо и тѣ, и другія коровы должны были идти подъ наблюденіемъ казенныхъ пастуховъ.

Помню двухъ ротныхъ командировъ, которые вошли въ такой азартъ по покупкѣ баранты, что между ними разыгралась крупная ссора. Одинъ купилъ черную корову у солдата изъ роты другого.

— Какая хорошая корова? чья это? — заинтересовался другой ротный.

Ему доложили, что притналъ корову такой-то рядовой, а купилъ у него сосѣдній ротный.

— Какъ такъ продать безъ моего вѣдома! Вотъ солдату полтинникъ, корову я беру себѣ, а онъ пусть отнесетъ полученный полтинникъ назадъ, кому продать.

Сосѣдъ прогналъ солдата съ полтинникомъ вонъ, и вскорѣ дипломатическія сношенія перешли на непосредственныя личныя объясненія.

— Какое ты имѣешь право отбирать мою корову?! (ротные были на армейски-товарищеской ногѣ и говорили другъ другу ты). Я не позволю, я купилъ у солдата.

— Онъ не смѣлъ продавать безъ моего дозволенія. Это мое распоряженіе...

— Чорта мнѣ въ твоёмъ распоряженіи!

И пошла перестрѣлка.

Стали ихъ товарищи унимать:

— Господа! да вѣдь корова-то полтинникъ! Стыдно. Можно ли изъ-за полтинника?! Ну, купите себѣ любую.

— Пусть онъ самъ купитъ! Мнѣ дорогъ принципъ... Не отдамъ коровы...

— А не отдашь, такъ мнѣ полтинникъ мой недорогъ: сейчасъ иду въ стадо и застрѣлю корову изъ револьвера...

Словомъ, какъ въ Миргородѣ Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Къ сожалѣнію, только не изъ-за неприличнаго сопоставленія гуся ружью, какъ въ тихомъ Миргородѣ, а изъ алчности, перелившейся черезъ край.. И любителей было немало. Нѣкоторые возвратились изъ Китаба, увозя съ собою не одну-двѣ случайныя вещи на память о походѣ (напримѣръ, какъ остатокъ лагернаго бивака), а нѣсколько нагруженныхъ аровъ, большія и дорогія коллекціи, добытыя немалыми стараніями...

X.

Не могу при воспоминаніи о взятіи Китаба не вспомнить его конца.

На другой день приходился баталіонный праздникъ 9-го баталіона—грустный, тяжелый праздникъ...

Построили роты, отслужили молебень и вдоль рядовъ тихо обнесли походную койку тяжело раненаго полковника Соковнина, котораго потомъ отнесли подъ широкой шатеръ праздничнаго барака офицеровъ. Всѣ столпились около него, стали поздравлять.

— Благодарю васъ, не съ чѣмъ меня поздравлять, господа,— съ горечью въ голосѣ тихо отвѣчалъ недовольный больной:—ничего не сдѣлали, штурмъ проиграли...

Всѣ старались утѣшить его.

— Помилуйте, Василий Николаевичъ, что вы! Дѣло прошло хорошо: вы сдѣлали свое прекрасно. Полноте... Не волнуйтесь.... Зачѣмъ же преувеличивать....

— Ахъ, что вы меня, какъ мальчика, пустяками утѣшаете!— вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ добродушный Соковнинъ.—Развѣ я ничего не видѣлъ, ничего не знаю? Все вижу, все знаю лучше васъ... Ахъ, перестаньте!—задыхаясь отвѣчалъ онъ... Что до меня—такъ недѣлю-двѣ, и на покой... А мнѣ горько — не то горько, не то мнѣ надо, чтобы первому войти, а нужно не срамиться. Что мы сдѣлали?! Гдѣ эти люди, которые сдѣлали?!...

Больной волновался все сильнѣе, и утѣшенія только подливали масла въ огонь.

— Ахъ, что мнѣ «успокойтесь»: мнѣ все равно умирать сегодня или завтра... А нехорошо это! Ахъ, развѣ такъ должны себя офицеры вести? Вотъ вы... Гдѣ вы были? Мнѣ вѣдь извѣстно, что васъ не было... А вы?... куда дѣвались? Бросили людей... И вы!... на васъ-то я какъ рассчитывалъ... Ахъ, нехорошо, горько, ахъ, очень нехорошо... Козловскаго храбреца бросили...

И общій любимецъ, отецъ-командиръ, опасно раненый и слабый, тяжело задыхаясь, на порогѣ могилы, какъ судья, говорилъ прямо въ лицо свои горькія правдивыя рѣчи, смотря въ упоръ добрыми проникающими глазами, отъ которыхъ нельзя было уйти.

Положеніе становилось тяжелымъ для всѣхъ и опаснымъ для больного.

Кто-то догадался и притянулъ къ нему на глаза такихъ личностей, которыя его не раздражали. Онъ сталъ типе...

— Да, да, васъ я видѣлъ... Вы... благодарю васъ, да... хорошо...

Толпу стали отводить, и къ кровати подошелъ А. К. Абрамовъ. Онъ сѣлъ рядомъ и тихо, долго, задушевно сталъ говорить съ израненнымъ и взволнованнымъ человѣкомъ. Онъ освѣтилъ дѣло съ общей стороны, показалъ значеніе лѣвой колонны... Все дѣло было поставлено такъ, что она должна была жертвовать людьми, въ этомъ ея задача. Отдѣльнымъ мелочамъ онъ не придаетъ никакого значенія: онѣ, какъ всегда на войнѣ, вырастаютъ тамъ и тутъ, а общее впечатлѣніе—вполнѣ добрая служба... Василий Николаевичъ смотритъ невольнымъ образомъ односторонне, какъ больной, какъ выбывшій изъ строя въ пылу сраженія... Онъ, Абрамовъ, самъ испыталъ эти

ощущенія раздраженія, эту безсильную досаду на то, что не годенъ въ самую нужную минуту... Его люди, солдаты, были безспорные молодцы, и онъ можетъ, положя руку на сердце, благодарить свой баталіонъ... Если были дѣйствительно слабые офицеры, то были и очень хорошіе... И прежде всего онъ хотѣлъ бы отмѣтить самого Соковнина, какъ неустрашимаго командира, достойнаго всякой похвалы... Ему особенно нравится эта его честность, эта его прямота стараго солдата... Но это волнуетъ его, а это нездорово... Когда онъ поправится, а къ тому времени и награды придуть... Онъ предполагаетъ представить Соковнина къ золотому оружію...

И подъ эти убаюкивающія рѣчи душевнаго человѣка добрый больной сталъ затихать, сталъ молча слушать, побѣждаемый искренностью и сердечностью тона собесѣдника, сталъ снова вѣрить въ людей и даже въ возможность своего выздоровленія...

Недолго досталось этому прекрасному человѣку вѣрить въ жизнь: онъ скончался мѣсяца черезъ два послѣ Китабскаго сраженія...

Заканчивая эти отрывки изъ моихъ туркестанскихъ воспоминаній, вызванные встрѣчею съ «Воспоминаніями» человѣка мало и односторонне знакомаго съ Туркестаномъ, мнѣ хотѣлось бы въ заключеніе помянуть добрымъ словомъ прежде всего простого нашего солдата туркестанца, которому такъ много обязана исторія нашей окраины, а вмѣстѣ съ солдатомъ помянуть и многихъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые правильно умѣли повести этого солдата, воспользоваться его добрыми качествами и искренно оцѣнить его заслуги и его душу...

Д. Л. Ивановъ.

